

ТЕЛЕФОНЪ редакціи и конторы № 80.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ НА ГАЗЕТУ

„НОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

(двѣнадцатый годъ изданія).

У С Л О В І Я П О Д П И С К И

съ доставкой и пересылкой:

На 12 мѣсяцевъ	10 р. — к.	На 6 мѣсяцевъ	6 р. — к.
„ 11 „	9 „ 50 "	„ 5 „	5 „ 25 "
„ 10 „	8 „ 75 "	„ 4 „	4 „ 75 "
„ 9 „	8 „ — "	„ 3 „	3 „ 50 "
„ 8 „	7 „ 25 "	„ 2 „	2 „ 75 "
„ 7 „	6 „ 50 "	„ 1 „	1 „ 50 "

За границу: на годъ—17 р., на полгода—9 р., на три мѣсяца—5 р. (Подписка принимается не иначе, какъ считая съ 1-го числа любого мѣсяца).

Правленіе общества взаимнаго страхованія посѣвовъ отъ градобитія въ Москвѣ (учрежденное въ 1877 году)

смы доводить до свѣдѣнія гг. сельскихъ хозяевъ и плаваторовъ объ открытіи приема страхованій отъ града растеній по двумъ разрядамъ: по 1-му—колосовые хлѣба, масличныя, прядильныя и т. п. раст. и по 2-му—виноградники, хмѣляники, табачныя и хлопковыя плаватки и проч. растенія специальныхъ культуръ.

Пріемъ страхованій будетъ производиться съ 10 мая по 1 июля въ г. Тифлисъ: „Сѣверные номера“, № 23, ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней.

Страхованіе отъ градобитія можетъ быть заключено и заочно, при условіи представленія по почтѣ страхового объявленія и всѣхъ причитающихся сборовъ.

Уставъ, правила страхованія и бланки объявленія выдаются и высылаются по первому требованію въ агентствахъ, а также въ отдѣленіи о-ва въ г. Тифлисъ.

Уполномоченный П. М. Окуличъ.

ОТДАЕТСЯ КВАРТИРА

о 6-ти КОМНАТАХЪ, со службами, дворомъ и водой, на Барятинской ул. Спросить въ конторѣ „Нов. Об.“ (601) 5-2.

За отъѣздомъ ПРОДАЕТСЯ ДОМАШНЯЯ ОБСТАНОВКА.

Вокаль, квартира начальника У дистанціи инж. кн. Андроникова. Просятъ обращаться отъ 10 ч. утра до 5 ч. вечера, ежедневно, до 25-го мая. К. 3-2.

Телеграммы „Новаго Обозрѣнія“

(Черезъ „Россійское телегр. агентство“).
Отъ 16-го мая.

Петербургъ. Въ Высоч. при- судствѣ состоится въ субботу: за- кладка канонерки „Храбрый“, броненосца „Генераль-Адмиралъ“, крейсера „Россия“, учебн. судна „Вѣр- ный“ и шхунъ брон. „Севастополь“.

Совѣтникъ министерства иностр. дѣлъ Гирсъ назначенъ посланникомъ въ Рио-Жанейро.

Состоялось 1-е засѣданіе 3-го всерос. съѣзда мукомоловъ. На обсужде- ніе предложенъ былъ проектъ поло- ж. о всерос. съѣздахъ мукомоловъ, выработанный уполномоченными 2-го всерос. съѣзда. Съѣздъ единогласно высказался за содержаніе постоян- наго центр. бюро, съ тѣмъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ теченіе пер- выхъ 3 л. былъ установленъ обязат. сборъ, и постановилъ ходатайствовать въ этомъ смыслѣ передъ министр- ствомъ фин. Къ числу обяз. расхо- довъ отнесенъ расходъ на изданіе органа мукомольной промышленно- сти.

Открылись засѣданія съѣзда пред- ставителей русск. жел. дорогъ.

Берлинъ. По свѣдѣніямъ изъ Будапешта, австро-венгерскій посоль въ Константинополь Каличе выхо- дить въ отставку. На его мѣсто на- значается бывш. венгерскій министръ двора Юлій Андраши.

Римъ. Новые выборы въ палату деп.: избраны пока 321 сторонникъ министерства Крици и 143 членовъ оппозиціи. Въ 17 окр. предстоятъ перебаллотировки.

Лондонъ. Сынъ авг. эмира принятъ королевой въ Виндз. замкъ, при самой торжественной обстанов- кѣ. Въ падингтонскомъ вокзалѣ былъ выстроень почетный караулъ отъ шотл. гвардіи. Въ замокъ На-

срулла-ханъ поѣхалъ съ почетнымъ эскортомъ отъ кон. гвардіи. Ауди- енція продолжалась полчаса, послѣ чего ханъ вернулся въ Лондонъ, чтобы присутствовать на приемѣ у принца Уэльскаго.

Изъ Гонъ-Конга телеграфируютъ, что 2 кит. генерала поддерживаютъ своими войсками республ. движеніе на Формозѣ. Съ материка китайцы присылаютъ деньги, оружіе, войска. Японск. десанту будетъ оказано упорное сопротивленіе. Въ южн. Китаѣ обнаруживаются сильныя ан- тидинаст. теченія. Провозглашеніе республики на Формозѣ предупреди- ло замыслы коноводовъ этого движе- нія, которые теперь опасаются, что ихъ планы будутъ разстроены.

ПОСЛѢДНЯЯ ПОЧТА.

Турція. Изъ Берлина телеграфируютъ „Нов.“: „Kölnische Zeitung“ говоритъ, что, въ случаѣ отклоненія Портою пред- ложенія трехъ великихъ державъ по армянскому вопросу, будетъ созвана международная конференція.

— „Pall Mall Gazette“ пере- даетъ разговоръ одного изъ своихъ со- трудниковъ — консервативнаго депутата Кьюрста, съ султаномъ объ армянскихъ дѣлахъ (Кьюрсту теперь уже разрѣшено отправиться въ Арменію и произвести тамъ разслѣдованіе).

— Всѣ разумные англичане, — сказалъ султану англійскій журналистъ, — при- знають, что въ дикой и мало доступной странѣ мѣстное правительство не мо- жетъ быть аналогично тому, которое су- ществуетъ гдѣ-нибудь въ лондонскомъ округѣ. Мы сами въ Бирманѣ, въ Афри- кѣ и другихъ мѣстахъ должны были сформироваться въ своихъ административ- ныхъ приѣмахъ съ правами тѣхъ, кѣмъ мы управляемъ. Это признанное право каждаго верховнаго государства.

— Почему же это не мое право? — воскликнулъ султанъ.

— Это ваше право, и я не переста- валъ защищать его, — возразилъ журна- листъ, — и, конечно, въ Англии негодова- нію не было бы границъ, если бы вы вдругъ вздумали вмѣшаться въ наши внутреннія административныя дѣла, какъ мы это дѣлаемъ относительно васъ, но...

— Въ чемъ же разница? — перебилъ султанъ.

— Разница слѣдующая, — если только вы мнѣ позволите откровенно и почти- тельно представить вамъ, въ чемъ тутъ дѣло: въ то время, какъ въ Англии вся- кое злоупотребленіе немедленно разобла- чается и обсуждается со всѣхъ сторонъ и затѣмъ немедленно принимаются мѣры для предупрежденія подобныхъ злоупотре- бленій, въ Турціи, какъ утверждаютъ ея враги, существуетъ совершенно другая система. Тамъ злоупотребленія, гораздо

болѣе многочисленныя, систематически скрываются и всѣяныя реформы отверга- ются совершенно. Что же касается друзей Турціи, то хотя они и не при- нимаютъ на вѣру всѣхъ взводимыхъ на нее обвиненій, тѣмъ не менѣе они го- рячо желали бы публичнаго разслѣдованія положенія дѣлъ въ Турціи, въ видахъ пресѣченія дальнейшей клеветы и тенде- циозныхъ обвиненій. Другія Турціи же- лаютъ отъ души пролѣтѣя сѣтя и вве- денія необходимыхъ реформъ...

— До какого же мѣста вы желаете ѣхать? — спросилъ султанъ послѣ минут- наго раздумья.

— Это будетъ всецѣло зависеть отъ васъ. Я бы желалъ имѣть возможность все видѣть и обо всемъ судить самому. Но мнѣ сказали, что предшествующіе путешественники наткнулись на массу затрудненій...

— Препятствія имъ были поставлены исключительно потому, что я зналъ, что цѣль поѣздки этихъ людей была оклеветать меня и мое правительство, изъ чув- ства личной вражды. Это все были какіе- то неизвѣстные люди, недостойные до- вѣрія и притомъ преспокоенные вса- кихъ враждебныхъ предразсудковъ.

Англійскій журналистъ еще разъ увѣ- рилъ султана, что единственное его же- ланіе — раскрыть истину; онъ ничего не желаетъ преувеличивать и ничего не хо- четъ скрывать, а только желалъ бы установить факты, касающіеся Арменіи, Турціи, Англии и Европы. На это сул- танъ отвѣтилъ ему:

— Ну, если это такъ, то... поѣзжайте. Путешествуйте, гдѣ хотите, и какъ хо- тите. Осматривайте все, что хотите, и говорите все; я доверью вамъ, но хочу, чтобы вы сказали только истину, и за- тѣмъ настаиваю на томъ, чтобы вы сдѣлали свой докладъ мнѣ лично. Вамъ будетъ оказана всякая помощь, всякое облегченіе. Желаете получить ордеръ? — Нѣтъ? Ну и отлично! Поѣзжайте такъ, у васъ руки будутъ развязаны. Что бы ни дала истина, я надѣюсь, она, все-таки, сохранитъ мнѣ дружбу Англии и уни- чтожитъ ложь и клевету. Это все, чего я желаю!

Италія. Изъ Флоренціи сообщаютъ, что судъ присяжныхъ приговорилъ за убій- ство публициста Банди: Ромити — къ пожизненнымъ каторжнымъ работамъ, Луккези и Франки — къ каторжнымъ же работамъ на 30 лѣтъ. Остальные четверо обвиняемыхъ оправданы.

ДѢЙСТВІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Высочайшіе приказы.

По военному вѣдомству.

9-го мая.
Переводится: 154-го дербентскаго пѣхотнаго полка штабсъ-капитанъ Асанъ-Джалаловъ — въ окружное интендантское управленіе кавказскаго военнаго округа, чиновникомъ на усиленіе, съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ.

10-го мая.
Назначается: по инженернымъ войскамъ: 1-го кавказскаго баталіона под- полковникъ Святополкъ-Мирскій — коман- диромъ 5-го понтоннаго баталіона.

Опредѣляется на службу: состоящій въ запасѣ армейской пѣхоты и на учетѣ по бакинскому уѣзду поручикъ Васильевъ — исправляющимъ должность полицейскаго пристава 2-го участка дже- ватскаго уѣзда, съ зачисленіемъ по армей- ской пѣхотѣ.

Увольняется въ отставку: со- стоящій въ запасѣ армейской пѣхоты и на учетѣ по бакинскому уѣзду прапор- щикъ Орловъ, подпоручикомъ.

О чинахъ гражданскихъ.

7-го мая.

Производится: изъ коллеж- скихъ регистраторовъ въ губерскіе секрета- ри: дѣлопроизводитель по хозяйственной части башкадыларскаго резервнаго баталіона, Барковский; по вѣдомству военно-медицинскому: изъ коллежскихъ асессоровъ въ надворные совѣтники: младшіе врачи: 155-го пѣхотнаго кубя- скаго полка, Хлодовскій, съ 14-го янв- ря 1895 г.; управленія крѣпости-склада въ г. Александрополь, Алексѣевъ-Месхійскій — съ 16-го декабря 1893 года; по вѣдом- ству военно-судебному: изъ коллеж- скихъ секретарей въ титулярные со- вѣтники: помощникъ секретаря кавказ- скаго военно-окружнаго суда, Карасевъ, съ 8-го марта 1894 г.

Опредѣляется въ службу: по вѣдомству главнаго штаба: отставной надворный совѣтникъ Крынинъ — въ штабъ кавказскаго военнаго округа, помощни- комъ журналиста и почтоваго инспектора.

Переводится: по вѣдомству главнаго штаба: счетовый чиновникъ тиф- лисской контрольной палаты, губерскій секретарь Хитрово — въ 78-й пѣхотный на- ваганскій полкъ, дѣлопроизводителемъ по хозяйственной части.

По вѣдомству министерства путей сооб- щенія.

Перемѣщеніи: начальники за- ставъ шоссе-дорожнаго сбора эриан- скаго отдѣленія кавказскаго округа путей сообщенія: кинакирской, коллежскій асе- соръ Федоровъ и джаджурской, коллеж- скій регистраторъ Яраловъ — одинъ на мѣсто другого.

По вѣдомству министерства юстиціи.

Назначенія: помощникъ мирово- го судьи ахалцекскаго отдѣла, губерскій секретарь Мангольдтъ — секретаремъ тиф- лисской судебной палаты.

МѢСТНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Министръ юстиціи при- былъ въ Баку, какъ намъ пишутъ оттуда, съ экстреннымъ поѣздомъ 13-го мая, въ 4 ч. дня, и былъ встрѣченъ на вокзалѣ губернаторомъ, вице-гу- бернаторомъ, начальниками нѣкото- рыхъ отдѣльныхъ частей, городскимъ головой и наличнымъ составомъ су- да и присяжной адвокатуры. По представленію начальникомъ губер- ній тайному совѣтнику Н. В. Му- равьеву большинства присутствовав- шихъ, онъ въ одной коляскѣ съ губернаторомъ прослѣдовалъ къ нему на домъ, а затѣмъ — въ украшен- ный флагами окружный судъ, гдѣ были собраны всѣ члены судебного вѣдомства и присяжные повѣренные. При общемъ представленіи послѣдніе подали г. министру докладную записку по вопросу объ организаціи въ Тифлисъ совѣта присяжныхъ повѣ- ренныхъ. Изъ суда г. министръ вер- нулся къ обѣду въ домъ губернатора. На слѣдующее утро, послѣ осмотра ханскаго дворца, его высокопревос- ходительство опять посѣтилъ окруж- ный судъ, гдѣ провелъ нѣсколько часовъ. Позавтракавъ у начальника губерніи, г. министръ осмотрѣлъ въ этотъ день нефтяной фонтанъ на Вибі-Эйбатѣ, посѣтилъ тюрьму на Баиловомъ мысу, осмотрѣлъ въ Чер- нобель-городкѣ заводъ т-ва бр. Но- бель, сдѣлалъ нѣкоторые визиты и принималъ много докладовъ и проси- телей. Въ 6 ч. вечера директоръ де- партамента С. С. Шмеманъ обозрѣлъ мировые отдѣлы. Послѣ обѣда у начальника губерніи, г. министръ, въ сопровожденіи тѣхъ же должност- ныхъ лицъ, которыя встрѣчали его, и многочисленной публики, съ эк- стреннымъ поѣздомъ, въ 10 ч. вечера, отбылъ по закавказской желѣзной дорогѣ на Батумъ, чтобы прослѣдо- вать затѣмъ черезъ Новороссійскъ на Сѣверный Кавказъ.

Въ понедѣльникъ, вечеромъ, въ зда- ніи банковскаго театра состоялось общее собраніе членовъ „Общества двора Тифлиса, губ. для содѣй- ствія нуждающимся въ обученіи“.

На этомъ собраніи, отличавшемся многолюдствомъ, сдѣланы слѣдующія постановленія: 1) ходатайствовать предъ тифл. двор. зем. банкомъ объ ассигнованій изъ общепользнаго ка- питала будущаго года 30 тыс. руб. для покупки земли подъ помѣщеніе тифл. дворянской школы, и 2) упол- номочить распоряд. комитетъ на- званнаго общества взять изъ зем- мельнаго банка дополнительную

ссуду, путемъ перевалога дома быв- шаго Аморова, недавно приобретен- наго „обществомъ“, — для производ- ства пристроекъ.

Вчера, 16-го мая, въ лѣтнемъ помѣщеніи „Кружка“ судебныя чины и адвокатура чествовали обѣдомъ находящагося въ Тифлисъ сен. А. О. Кони.

Возвращеніе Б. И. Статков- скаго изъ Петербурга въ Тиф- лисъ ожидается въ концѣ этого мѣ- сяца.

Тифлисская почтово-телеграфная контора сообщаетъ намъ, что съ 15-го текущаго мая между Тиф- лисомъ и Боржомомъ уста- новлено движеніе всякаго рода поч- товой корреспонденціи два раза въ день — утромъ и въ 3 часа пополудн. Корреспонденціи, поданныя до 2 ч. дня, будутъ отправляться въ тотъ же день, поданныя же послѣ этого вре- мени будутъ отправляться на слѣдую- щій день.

Появившаяся въ борчалинскомъ уѣз- дѣ, какъ у насъ уже сообщалось, разбойничья шайка наво- дитъ все большій страхъ на жи- телей окрестныхъ селеній. До сихъ поръ еще не удалось открыть по- стояннаго мѣстообыванія шайки. Недавно ею было совершено нѣ- сколько дерзкихъ грабежей: въ лѣсу былъ пораженъ и ограбленъ свя- щенникъ, а одинъ изъ мѣстныхъ торговцевъ ограбленъ на сумму свы- ше 800 руб., и т. д.

Этой же шайкой былъ убитъ ка- раульный земской стражи.

Главнымъ тюремнымъ управлені- емъ сдѣлано распоряженіе объ от- крытіи кредита въ суммѣ 1,000 р. на усиленіе тюремнаго дѣлопроизводства въ Да- гестанской обл.

Мы слышали, что благочинный всѣхъ госпитальныхъ церквей кавк. воен. округа о. Беригинъ оставляетъ свою должность.

На воскресенье, 28-е мая, на- значено общее собраніе чле- новъ тифлис. общества взаимнаго страхованія недвиж. имущ., вмѣсто несостоявша- гося 14-го мая, — для выбора архитек- тора, взазмѣнъ выбывшаго г. Озерова. Собраніе состоится при наличности всякаго числа членовъ, и на назван- ную должность будутъ баллотиро- ваться, какъ мы слышали, инж. А. С. Бабовъ и В. А. Болгарскій.

Дирекція тифлисск. казен. театра вошла съ подлежащимъ ходатай- ствомъ о заключеніи кон- тракта съ В. Л. Форкати на отдачу послѣднему, съ 1-го іюня наст. года по 1-е іюня будущаго 1896 г., въ содержаніе казен. теа- тра, съ выдачею субсидіи въ 10,000 р.

По полученнымъ врачевн. отдѣле- ніемъ губерск. правленія свѣдѣ- ніямъ, въ м. Михайловѣ среди дѣ- тей свирѣпствуетъ оспа.

Выѣздную сессіей тифл. окружна- го суда въ сел. Шулаверѣхъ на- дняхъ слушалось откладывавшееся уже нѣсколько разъ дѣло по обвине- нію священника Мартиросянца въ

ложномъ доносѣ. Дѣло это слушалось при закрытыхъ дверяхъ. Окружный судъ приговорилъ священника Мартиросянца къ 4-мѣсячному тюремн. заключенію.

Изъ Телава сообщаютъ въ газ. „Иверія“, что 8-го и 9-го мая за Алазанью пошелъ градъ, который нанесъ большіе убытки сел. Шилды и Шакиани и незначительные—селеніямъ Сабузэ, Енисели и Грени.

Владѣлецъ магазина военно-учебн. пособій, что на Годов. просп., отст. полк. Юс. Макс. Федоренко, будучи, вечеромъ 15-го мая, въ лѣтнемъ помѣщеніи „Тифлис. кружка“, внезапно почувствовалъ себя дурно. Его усадили на фатонъ и отправили въ михайл. больницу, по дорогѣ въ которую Федоренко скончался. Покойный уже много лѣтъ страдалъ аневризмомъ.

Изъ сел. Ламискана сообщаютъ въ газ. „Иверія“ о слѣдующемъ трагическомъ случаѣ. Мѣстный крестьянинъ Бегіашвили испытывалъ такую нужду, что изъ-за 30 коп. наложилъ на себя руку. Онъ кинжаломъ нанесъ себѣ рану два раза въ бокъ и затѣмъ распоролъ животъ.

Ревизія дѣлопроизводства мировыхъ судей во Владикавказѣ, по словамъ „Приаз. Края“, обнаружила, что одинъ изъ нихъ, уже переведенный въ округъ бакинскаго суда, дѣла въ своемъ участіи привелъ въ самое запутанное положеніе. Министръ юстиціи приказалъ по этому поводу послать телеграмму въ Ваку.

Въ комитетъ министровъ внесены представленія: о разрѣшеніи бакинской думѣ произвести облигаціонный заемъ въ 300 тыс. руб. на нужды города и объ учрежденіи въ г. Ейскѣ школы для ремесленныхъ учениковъ. („Приаз. Кр.“).

Съ цѣлью упорядочить наши курорты министерство земледѣлія, какъ сообщаютъ столичные газеты, командируетъ директора горнаго департамента г. Скальковскаго за границу, для изученія и осмотра заграничныхъ курортовъ.

Намъ пишутъ:

Изъ борчалинскаго уѣзда: „Въ ночь на 13-е мая, близъ сел. Уашло убитъ пастухомъ бывший агаларь сел. Касумло Панахъ-ага Касумовъ, при покушеніи послѣдняго, совмѣстно съ нѣсколькими другими лицами, на кражу скота. Панахъ-ага и его братья за убійство были приговорены судомъ къ каторжнымъ работамъ и тѣсно разыскивались въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ для приведенія надъ ними приговора въ исполненіе. Братъ Панаха, Астанъ-ага, до настоящаго времени скрывается.

Изъ Владикавказа: „Грабежи и разбои попрежнему часты въ окрестностяхъ Владикавказа и другихъ пунктахъ Терск. обл. Недавно между ст. Балта и Мѣт. Редантъ нѣсколько злоумышленниковъ, засѣвшихъ въ кустарникахъ, покушались ограбить почту, слѣдовавшую изъ Тифлиса во Владикавказъ, при чемъ у одного изъ конвоировавшихъ почту казаковъ была убита лошадь. Почта благополучно прибыла къ мѣсту назначенія.

„12-го мая за желѣзно-дорожн. вокзаломъ, у самаго Владикавказа, пятью вооруженными ингушами, ѣхавшими на арбѣ, было произведено нѣсколько выстрѣловъ въ ночной казачій разъѣздъ, при чемъ убита была лошадь урядника. Ингуши скрылись, оставивъ арбу на мѣстѣ происшествія“.

Общее собраніе членовъ тифл. двор. земел. банка.

(Засѣданіе 15-го мая)

Послѣ прочтенія протокола предъидущаго собранія и кое-какихъ прѣдній относительно предмета занятія, докладывается о распредѣленіи общепользнаго капитала.

Общепользнаго капитала получено за 1894 г. 77,289 р., а за вычетомъ расходовъ, произведенныхъ въ томъ же 1894 г. на счетъ названнаго капитала, оставалось его къ 1-му января 1895 г. 54,536 р., изъ которыхъ правленіе предлагаетъ выдать грузинск. драматич. общ. 1,000 р., а остальную сумму—дворянской и динамдзваріанткарской школамъ. Сверхъ того, правленіе и наблюд. комитетъ предлагаютъ собранію сдѣлать постановленіе о выдачѣ въ будущемъ году дамскому отдѣленію „Общества дворянъ Тифлис. губ. для содѣйствія нуждающимся въ обученіи“—10 тыс. руб., а члены наблюд. комитета Д. А. Гурамовъ и Г. Журули находятъ нужнымъ увеличить эту цифру до 25-ти тыс. руб. Далѣе, въ правленіе банка поступило прошеніе кн. Н. Эрнстова, доложенное общему собранію, о томъ, что проситель изобрѣлъ новый водяной насосъ и ходатайствуетъ о выдачѣ ему пособія въ размѣрѣ 1,000 руб. для осуществленія своего изобрѣтенія.

Д. П. Мусхеловъ, указывая на неполноту и неточность отчета, проситъ разъясненія нѣкоторыхъ цифръ отъ свѣтл. кн. П. А. Грузинскаго, какъ председателя наблюд. комитета.

П. А. Грузинскій.—Объясненія дасть вамъ правленіе.

Д. П. Мусхеловъ.—Я хотѣлъ бы получить объясненія именно отъ свѣтл. кн. Грузинскаго для отбѣнки того, насколько наши избранники находятя въ курсѣ дѣла, имъ довѣреннаго.

Д. П. Аваловъ.—Мнѣ кажется, что если на насъ, на членахъ правленія и наб. комитета, лежатъ известныя обязанности, то отъ обязанностей не должны быть освобождены и члены собранія. Какъ можно требовать именно отъ того или другого лица разъясненій отчета, когда отвѣтственность за него несетъ дѣло учрежденіе? Это, по моему, и незаконно, и неудобно. Затѣмъ кн. Аваловъ даетъ объясненія по существу, а вслѣдъ за нимъ объясненія даетъ и другой членъ правленія, кн. И. Г. Мачабели, а равно и св. кн. П. А. Грузинскій.

Д. П. Мусхеловъ.—Объясненія, здѣсь данныя, устраняютъ, конечно, мысль о незаконности, но безусловно подкрѣпляютъ мое утвержденіе, что отчетъ составляется небрежно.

Д. П. Кезелі.—Меня удивляетъ репримандъ, преподнесенный намъ кн. Аваловымъ. Мы—не бесловесные солдаты, чтобы не имѣли права подвергать, такъ сказать, экзамену нашихъ избранниковъ.

Кн. П. Г. Мачабели.—Если вы внимательно просмотрите докладъ правленія о распредѣленіи общепользнаго капитала, то увидите, что, за покрытіемъ нуждъ дворянской и динамдзваріанткарской школы, а равно по выдачѣ драматическому обществу предположенныхъ 1,000 руб., у насъ получается остатокъ, въ размѣрѣ приблизительно 1,720 р. Ежегодно на общихъ собраніяхъ мы говоримъ о необходимости оказать помощь дамскому комитету, обѣщая ему золотыя горы въ будущемъ и не давая ему, однако, ничего въ настоящемъ. Чтобы того же не произошло и на этотъ разъ, чтобы перестать кормить дамскій комитетъ одними „завтраками“, я предлагаю выдать ему теперь же оставшіеся 1,720 р., сдѣлавъ постановленіе объ оказаніи ему въ будущемъ году болѣе существенной помощи. (Аплодисменты, браво).

Д. П. Мусхеловъ, и. Кезелі и Татишевъ высказываются за болѣе внимательное отношеніе къ ходатайству кн. Н. Эрнстова, изобрѣтателя насоса.

А. І. Кобіевъ предлагаетъ изъ общепользнаго капитала прежде всего израсходовать деньги на закрѣпленіе каравансарая за дворянствомъ (въ размѣрѣ 20 тыс. р.), а затѣмъ удовлетворить другія нужды, тѣмъ болѣе, что на нужды школы, согласно постановленію общаго собранія, можно дѣлать позаимствованія изъ будущихъ прибылей.

Кн. П. Г. Мачабели.—Нѣкоторые доказывали вамъ, господа, здѣсь, что послѣ распредѣленія общеполь-

знаго капитала, согласно предложенію правленія, получается еще остатокъ въ 1,700 р. Это—невѣрный расчетъ. Если вы вычтете изъ 54 тыс. р. общепол. капитала просимую двор. школой сумму въ 51 тыс., затѣмъ 5 тыс. на динамдзваріанткарскую школу и 1 тыс. драматич. обществу, то увидите, что намъ не хватаетъ свыше 2 тыс. р. У насъ не остатокъ, какъ утверждаютъ, а дефицитъ.

Кн. П. Г. Мачабели.—Ничего подобнаго!

Кн. П. Г. Мачабели.—Спросите члена школьнаго комитета Н. З. Цхетадзе, присутствующаго въ засѣданіи, не требуетъ ли школа, сверхъ уже перебранныхъ ею въ прошломъ году 3,779 р., еще 51 тыс. на 1895 г. и не требуетъ ли, свѣд., школа не 51 тыс., какъ полагаетъ кн. Мачабели, а 54 тыс. руб.

Н. З. Цхетадзе подтверждаетъ это заявленіе.

М. В. Мачабели.—Вы являетесь сюда для того, чтобы оказывать помощь кн. И. Г. Чавчавадзе!

Н. З. Цхетадзе.—Кн. И. Г. Чавчавадзе не нуждается здѣсь въ помощи Цхетадзе! (Браво).

Тифлисская городская дума.

(Засѣданіе 16-го мая).

И. д. гор. гол. А. А. Иваненко сообщилъ думѣ о кончинѣ гласныхъ П. К. Мелик-Каракозова и Л. Ш. Мелик-Бегларова, при чемъ очертилъ ихъ дѣятельность, какъ гласныхъ, и предложилъ почтить ихъ память вставаніемъ и выраженіемъ соболѣзнованія.

Предложеніе это было принято.

И. д. гор. гол. А. А. Иваненко предлагаетъ думѣ на обсужденіе проектъ гл. кн. Н. Е. Аргутинскаго-Долгорукова о plombированіи туть на бойнѣ. Управа полагаетъ вопросъ этотъ отложить до постройки постоянной бойни, ибо въ настоящее время на осуществленіе этой мѣры требуется затрата слишкомъ въ 7,000 р.

Гл. кн. Н. Е. Аргутинскій-Долгоруковъ замѣчаетъ, что исчисленный управою расходъ слишкомъ преувеличенъ. Помимо этого, гласный указываетъ на то, что предлагаемая имъ мѣра значительно увеличитъ доходъ города и искоренитъ громадное зло отъ тайнаго убоя, оградивъ этимъ здоровье населенія.

Гл. Кошаряничъ предлагаетъ вопросъ этотъ отложить до постройки постоянной бойни, а пока принять какія-нибудь другія мѣры для искорененія тайнаго убоя скота въ городѣ.

Гл. Н. А. Худавовъ замѣчаетъ, что тайный убой скота практикуется въ городѣ потому, что на бойню ведетъ Богъ знаетъ какая дорога. Вѣдъ лучше мясниковъ посылать на Сахалинъ, чѣмъ на нашу бойню,—возмущается гласный: это не дорога, а рядъ ухабовъ.

Гл. д-ръ Шагъ-Пароніаничъ находитъ выставленные управою расходы по plombированію туть преувеличенными болѣе чѣмъ вътрое и предлагаетъ, не дожидаясь постройки постоянной бойни, теперь же немедленно ввести plombированіе.

Гл. д-ръ Бабовъ говоритъ, что, помимо гигиеническихъ соображеній, предлагаемая мѣра должна быть принята непременно думой и изъ-за выгоды города; по свѣдѣніямъ управы, собраны деньги за 40 тыс. тайно убитыхъ головъ, и гласный утверждаетъ, что тайно убито скота, навѣрно, явное болѣе.

Гл. К. М. Амихановъ замѣчаетъ, что онъ не можетъ теперь прийти ни къ какому рѣшенію, ибо ни управа, ни заявитель не дали никакихъ точныхъ цифръ необходимаго расхода на введеніе этой мѣры.

Дума рѣшаетъ передать вопросъ на разсмотрѣніе городского инженера совмѣстно съ и. д. врачбно-санитарнаго инспектора, съ тѣмъ, чтобы они представили смѣту и свои соображенія къ слѣдующему засѣданію думы.

РУССКАЯ ЖИЗНЬ.

Текущимъ лѣтомъ, какъ слышалъ „Гражд.“, департаментомъ торговли и мануфактуръ будетъ пересмотрѣна часть намѣченнаго проекта

о новомъ государственномъ промышленномъ налогѣ, касающагося оложенія промышленныхъ предприятий.

„Нов. Вр“ сообщаетъ, что при министерствѣ внутр. дѣлъ образуется комісія подъ предсѣдательствомъ директора хозяйственнаго департамента Кабата, въ составъ которой войдутъ представители взаимнаго огня страхованія, для детальной разработки вопроса о развитіи взаимнаго страхованія какъ городского, такъ и земскаго.

„Пет. Вѣд.“ слышали, что съ начала Іюня будутъ вызываться въ Петербургъ группами, поочередно, секретари губернскихъ статистическихъ комитетовъ, которымъ въ центральному статистическому комитетѣ будутъ даны необходимыя указанія и инструкціи относительно производства всенародной переписи.

3-й сѣздъ представителей телеграфной службы, какъ рѣшено на засѣдающемъ теперь сѣздѣ въ Варшавѣ, будетъ созванъ въ Москвѣ.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ

Францъ Зуппе.

Въ Вѣнѣ, какъ извѣстно, скончался 9-го мая извѣстный композиторъ Францъ Зуппе. Въ группѣ т. назыв. австрійскихъ композиторовъ, творцовъ новѣйшихъ оперетокъ, Зуппе, безъ сомнѣнія, занимаетъ первое мѣсто. Его оперетки—„Воккачио“, „Фатиница“, „Донна Жуанита“, „Прекарная Галатея“ и пр.—всѣмъ извѣстны. Въ особенности двѣ первыя обогнали сцену чужд ли не всего міра. Кромѣ оперетокъ, Зуппе сочинялъ квартеты, увертюры, симфоніи и другія пьесы серьезнаго характера, но не обнаружилъ въ нихъ крушнаго, оригинальнаго таланта. Зуппе, по происхожденію—австрійскій французъ, родился 6-го апрѣля 1820 года въ гор. Спалато, въ Далмаціи, гдѣ получилъ первое свое научное образованіе. По окончаніи курса въ вѣнскомъ университетѣ онъ на мѣсяцъ сдѣлался чиновникомъ, но вскорѣ оставилъ это намѣреніе и посвятилъ себя изученію музыки. Зуппе перебивалъ капельмейстеромъ во всѣхъ главныхъ частныхъ театрахъ Вѣны, гдѣ царилъ оперетка и комическая опера.

Изъ Милана сообщаютъ „Нов.“, что во Флоренціи землетрясеніемъ разрушено надѣлъ 200 домовъ. Церкви повреждены. Изъ больницъ бѣжали полуодѣтые больные, застигнутые врасплохъ землетрясеніемъ. 36 человекъ ранено.

Судейское усмотрѣніе и общественныя гарантіи.

(По поводу засѣданія кавк. юрид. общества 30-го апрѣля 1895 г.).

Если бы люди, волею судьбы и счастливаго степенія обстоятельствъ, достигнувъ магической силы обаянія надъ умами, не ослабляли своей заботливости о строгомъ согласованіи своихъ чувствъ, мыслей и дѣйствій, не поддавались упоенію шумныхъ одобреній и грома рукоплесканій,—общественная жизнь не представляла бы изъ себя безотраднато зрѣлища прискорбныхъ противорѣчій, превращающихъ міръ земной въ юдоль бѣдствій, плача и печали. Опытъ жизни и наблюденіе надъ дѣйствительностью открываютъ мрачныя картины паденія и разрушенія выработанныхъ принциповъ тамъ, гдѣ обладатель этихъ принциповъ, опочивъ на лаврахъ достигнутаго всеобщаго уваженія, начинаетъ пренебрегать уходомъ за единствомъ и стройностью своего умственнаго богатства. Сначала съ виду незначительная уступка господствующему, но неблагоприятному теченію производитъ ослабленіе связи между принципами, воплощающими въ себѣ общественныя идеалы, затѣмъ исподволь наступаетъ періодъ колебанія и перехода отъ положительнаго принципа къ отрицательному, общественныя идеалы тускнѣютъ и гаснутъ подъ напоромъ порывовъ минутныхъ вѣяній, и среди воцарившагося хаоса противорѣчій слышится насмѣшливый призывъ древняго мудреца Созиада: „Cède au temps“—плыви по теченію! Это не требуетъ

ни труда, ни усилій: достигнешь счастья или гибели, смотри! потому, куда теченіе привезетъ—

Отсюда понятны, какихъ неумственныхъ трудовъ и неустанной бдительности требуетъ сохраненіе вѣрности нравственнымъ идеаламъ, устойчивости и послѣдовательности взглядовъ и принциповъ. А это дано рѣдкому уму, что оправдываетъ положеніе Бенгата, что самое рѣдкое изъ человѣческихъ качествъ есть послѣдовательность.

Но рѣдкость такого качества человѣческаго ума не означаетъ его недостаточности и не можетъ служить ни извиненіемъ, ни оправданіемъ, даже для ума посредственнаго, въ уклоненіи отъ стремленія къ достиженію единства и послѣдовательности въ мысляхъ и дѣйствіяхъ путемъ упражненія и неослабнаго самонаблюденія.

Къ этому размышленію приводитъ поучительное засѣданіе кавказскаго юридическаго общества 30-го прошлаго апрѣля. Интересъ публики былъ возбужденъ не столько ожидавшимся рефератомъ члена юридич. общества А. А. Красовскаго, сколько любопытствомъ ея урѣзть личность вѣми уважаемаго и пользующагося громкою популярностью А. О. Кони, объ участіи котораго въ засѣданіи общества было возвѣщено заранѣе въ мѣстной печати. Содержаніе же реферата г. Красовскаго не было извѣстно, и публика, наполнившая залъ засѣданія, не могла, поэтому, знать, какой собственно интересъ для нея можетъ представлять предметъ доклада.

Темою для доклада былъ выбранъ вопросъ—„о дискретіонной власти суда по проекту уложенія о наказ.“.

Но прежде, чѣмъ перейти къ сущности положеній докладчика, слѣдуетъ нѣсколько коснуться вѣдшихъ условій, неблагоприятно отразившихся на результатѣхъ доклада. Г. Красовскій излагалъ свой докладъ невнятно, вяло, монотонно, бездѣйствительно, безъ той силы убѣдительности и блеска, которая составляетъ существенную принадлежность не только ораторскаго, но и обыкновеннаго дѣловаго краснорѣчія. Безъ всякой нужды, некстати и неудачно дѣлая экскурсіи въ области химіи, астрономіи и пр., онъ, въ то же время, слабо и поверхностно аргументировалъ свои основныя положенія, что вызвало справедливое замѣчаніе одного изъ оппонентовъ, что выводы референта пошпыни и смѣлы и что слѣдовало бы ему болѣе прочно обосновать свои положенія.

Между тѣмъ, избранная г. Красовскимъ тема затрогивала такіе существенныя вопросы общественныя гарантіи, возрѣнія автора настолько шли въ разрѣзъ съ прочно установившимися въ юридическомъ мірѣ взглядами, что предпринятый имъ походъ противъ этихъ взглядовъ, какъ вредныхъ для правовой жизни предразсудковъ, требовалъ особой тщательности въ обработкѣ и обоснованіи своихъ положеній.

Изъ двухъ появившихся въ мѣстныхъ газетахъ отчетовъ, отчетъ „Новаго Обзор.“, хотя и не полный, но болѣе близокъ къ дѣйствительности, особенно въ изложеніи рѣчи А. О. Кони; этого отчета я и буду придерживаться, пополняя обстоятельствами, не попавшими въ печать.

Г. Красовскій развивалъ то положеніе, что проектъ уложенія даетъ слишкомъ много простора судейскому усмотрѣнію при выборѣ наказанія за одно и то же преступленіе, облагаемое подчасъ отъ каторжныхъ работъ до простаго лишенія свободы. Въ оправданіе такого расширенія предѣловъ судейской власти, составители проекта ссылаются на примѣръ Запада, который, исходя изъ принципа довѣрія къ совѣсти судьи, находитъ, что только предоставленіемъ судѣ свободы выбора назначенія закономъ наказанія можетъ быть обезпечено правильное соотношеніе между преступленіемъ и наказаніемъ.

Г. Красовскій находилъ, однако, что такая исходная точка зрѣнія составителей проекта невѣрна по существу и не оправдывается ни современнымъ судоустройствомъ, ни системою современнаго судопроизводства. Инстанціонное судоустройство уже одно показываетъ недовѣріе къ судѣ, надъ которымъ поставленъ

стражъ, въ видѣ высшей инстанціи; затѣмъ, гласность, публичность, участие сторонъ въ процессѣ, правила обжалованія, ответственность судьи,— все это доказываетъ совершенно противоположное тому положенію, изъ котораго исходитъ проектъ уложенія; все это — надежныя общественныя гарантіи, установленныя законодательствомъ изъ недобрыя къ судейской добросовѣстности, изъ заботливого опасенія оградить свободу гражданъ отъ судейскаго произвола, отъ судейскаго заблужденія — вольнаго или невольнаго. По существу же, основаніе довѣрія къ судейской совѣсти логически несостоятельно, такъ какъ понятіе о совѣсти вообще и совѣсти судейской, въ частности, не представляетъ собою особой функции человѣческаго духа, а есть способность согласовать, по законамъ логики, мысли и дѣйствія съ правилами и законами общезитія.

А такая способность не есть нѣчто сокровенное, неуловимое, а, проявляясь въ дѣятельности чловѣка, подлежитъ обыкновенной логической проверкѣ. Слѣд., довѣріе не только опасно, но и бесполезно тамъ, гдѣ необходимо и обязательно примѣненіе законовъ логики. Право свободного выбора наказаній — слишкомъ опасная для общества власть, такъ какъ судья, вращаясь среди мелочей конкретныхъ случаевъ, скоро утрачиваетъ присущую законодателю широту взгляда на общественное значеніе наказанія. Такая особенность судейской дѣятельности, направленной на изученіе микроскопическихъ подробностей, суживаетъ умственный кругозоръ судьи, скрывая отъ его взоровъ высшія дѣла законодателя — охранять общественную жизнь и способствовать ея преуспеванію путемъ правильнаго и цѣлесообразнаго примѣненія наказанія. Далѣе, докладчикъ находилъ, что примѣръ Запада не примѣнимъ къ Россіи, гдѣ общественное мнѣніе слабо развито и оказываетъ ничтожное вліяніе, тогда какъ на Западѣ общественное мнѣніе составляетъ могущественный противовѣсъ злоупотребленію оказываемымъ судьями довѣріемъ. При этомъ докладчикъ иллюстрировалъ свою мысль ссылкой на примѣры, когда разъяренная уличная толпа самолично расправлялась съ оправданными судомъ преступниками.

Такова сущность доклада г. Красовскаго.

Капитальное достоинство доклада заключается въ томъ, что г. Красовскій не пожелалъ шествовать въ хвостѣ авторитетовъ, изо дня въ день, изъ году въ годъ механически повторяющихъ мнимо-научныя положенія, а сталъ на путь попытки самостоятельнаго анализа установившихся воззрѣній, составляющихъ основу современнаго направленія правосудія. Важный недостатокъ доклада — крайняя односторонность и легковѣсность аргументаціи. Докладчикъ поднимаетъ тревогу на основаніи двухъ примѣровъ судейскаго мягкосердечія, гдѣ подсудимые, несмотря на тѣсныя предѣлы судейскаго усмотрѣнія въ выборѣ наказанія по дѣйствующему уложенію, подверглись весьма слабой наказанію, далеко несоотвѣтствующему доказанной виновности. Что-то будетъ, — сокрушался докладчикъ, — по утвержденіи проекта уложенія, по которому судейскому усмотрѣнію предоставленъ широкій просторъ въ выборѣ наказаній за одно и то же преступленіе — отъ каторжныхъ работъ до простого ареста? Судьи всегда будутъ стремиться къ назначенію легчайшихъ наказаній, каторжныя тюрьмы будутъ пустовать, арестные дома станутъ переполняться, слова „каторга“, „лишеніе правъ“ исчезнутъ изъ канцелярскаго обихода судовъ, адскій ужасъ, сковывающій все существо подсудимаго предъ уголовными перунами, смѣнится ободряющимъ чувствомъ надежды на судейскую милость и снисхожденіе... Вотъ, о чемъ сокрушается г. Красовскій! Мягкосердечіе судей — вотъ въ чемъ, по мнѣнію г. Красовскаго, кроется опасность для общества при дѣйствіи новаго уложенія...

Такова основная тенденція тревоги докладчика.

Болѣе продолжительное наблюденіе надъ жизнью судовъ приводитъ къ совершенно противоположному опасенію, и если нужно трепетать обществу при новомъ уложеніи, то, во всякомъ случаѣ, не предъ судейскимъ милосердіемъ...

Для прогресса свободы общественной жизни одинаково опасны какъ судейская жестокость, такъ и чрезмѣрно милосердіе; судья, который за преступленіе, заслуживающее каторжныхъ работъ, караетъ преступника простымъ лишеніемъ свободы, такъ же колеблетъ устой общезитія, какъ и судья, который, пользуясь широкимъ правомъ выбора наказанія, за безразличное и даже благодѣтельное дѣяніе калѣчитъ или вырываетъ изъ общественной среды полезныхъ дѣятелей.

Отсюда является необходимость изысканія способовъ возможно большаго ограниченія, если не совершеннаго исключенія, судейскаго усмотрѣнія въ дѣлѣ выбора и примѣненія наказанія. Докладчикъ не обнаружилъ никакихъ попытокъ изслѣдованія въ этомъ направленіи, ограничившись лишь выраженіемъ опасенія, внушаемаго расширеніемъ судейскаго усмотрѣнія и недостаточно выяснивъ ошибочность коренныхъ мотивовъ составителей проекта уложенія.

Проектъ новаго уложенія и труды комиссіи по его составленію, въ 13 томахъ, еще не сдѣланы общественнымъ достояніемъ, а извѣстны самому ограниченному кругу юристовъ. Поэтому г. Красовскій, если онъ имѣлъ въ виду выслушать обстоятельныя и продуманныя возраженія, обязанъ былъ, за долго до доклада, въ периодической печати или въ отдѣльной книгѣ, ознакомить общество съ своими взглядами на слабыя и опасныя стороны проекта, на составленіе котораго потрачено дѣлныхъ 14 лѣтъ.

Юристъ, который обрѣлъ въ себѣ мужество и рѣшимость доказывать, что 14-лѣтніе труды избранныхъ юристовъ вмѣсто того, чтобы дать обществу гарантіи свободы и безопасности, грозятъ серьезными опасностями, заслуживаетъ глубокаго уваженія и почтенія, если столь смѣлый, въ лучшемъ смыслѣ слова, критикъ принялъ все зависящее отъ него мѣры, чтобы его критика не имѣла характера какого-то экспромта.

А такой именно характеръ внезапности имѣлъ рефератъ, вызвавшій столь же „внезапныя“ малообоснованныя и, болѣею частью, изъ одакихъ схоластическихъ фразъ состоявшія возраженія. Двое, впрочемъ, воздержались отъ возраженій, совершенно вѣрно замѣтивъ, что бесполезно возражать общими фразами, которыми приходится отдѣлываться потому, что члены общества не были заранее ознакомлены ни съ сущностью положеній реферата, ни съ проектомъ уложенія, критикуемымъ въ рефератѣ. Чувствовалось только, что докладчикъ плохо убѣждаетъ, слишкомъ малосиленъ, чтобы поколебать установившіяся убѣжденія.

Все возражавшіе ораторы единодушно встали противъ основнаго положенія докладчика, усматривающаго опасность въ довѣрїи къ суду и проповѣдывающаго недобрыя.

Возраженіе оппонентовъ началось съ заявленія, что исторія уголовного права уже пришлось однажды пережить такое отношеніе къ суду, когда возникло сильное движеніе противъ права судовъ толковать законы, но что поводъ къ этому движенію былъ данъ въ то время самими судьями, въ которыхъ царилъ неограниченный произволъ; за послѣднія же 30 лѣтъ, — утверждалъ одинъ изъ оппонентовъ, — судьи наши вполне оправдали своею дѣятельностью оказанное имъ довѣріе и потому заслужили ту широту власти, которая предполагается предоставить имъ по проекту уложенія; дѣятельность нашихъ судовъ, — продолжалъ тотъ же ораторъ, — настолько безупречна и чужда злоупотребленій, что обществу нѣтъ основанія страшиться расширенія предѣловъ судейскаго усмотрѣнія: оно можетъ спокойно и безъ тревоги взирать на будущихъ своихъ судей съ обширными, законодательскимъ дарованными, полномочіями.

Мнѣніе это было поддержано всѣми оппонентами.

Прежде всего, оппоненты не вдали въ изслѣдованіе вопроса — почему въ европейскіе суды проникъ тотъ невзыскимый произволъ, который въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія вызвалъ дружный протестъ общества и ученыхъ. Изученіе причинъ возникновенія и разрастанія въ судахъ произвола обнаружило бы, что главнѣйшій источникъ,

питавшій деспотизмъ судовъ, заключался въ правѣ толкованія законовъ. Естественнo было, поэтому, отвести порождавшій злоупотребленія источникъ и отнять у судовъ то право, на почвѣ котораго возросъ и расцвѣлъ неограниченный произволъ судейскаго усмотрѣнія. Если бы оппоненты обратили вниманіе на эту организующую связь между правомъ толкованія и расцвѣтомъ неужеримаго произвола, если бы они объективнѣе отнеслись къ характеру дѣятельности судовъ при дѣйствіи судейскихъ уставовъ, вызвавшихъ необходимость кореннаго пересмотра послѣднихъ, то могли бы убѣдиться, что нынѣшнее движеніе правительства противъ существующей системы организаціи судовъ и отравленія правосудія *) имѣетъ тотъ же корень неуловительной дѣятельности судовъ, какой былъ обнаруженъ въ XVIII и въ началѣ XIX в. Что средства къ улучшенію дѣятельности судовъ выбраны проектомъ уложенія такія, которыя, въ виду „опыта вѣковъ“, способны еще болѣе ухудшить эту дѣятельность и на такихъ же средствахъ, быть можетъ, остановится нынѣ работающая комиссія по пересмотру судейскихъ уставовъ, — это только доказываетъ, вопреки утвержденію оппонентовъ, наличие серьезныхъ аномалій въ дѣятельности нынѣшнихъ судовъ и нисколько не устраняетъ опасеній усиленія этихъ аномалій, благодаря неудачно выбраннымъ средствамъ. Можно чувствовать и видѣть результаты болѣзни, но болѣзнь можетъ быть не распознана и, вслѣдствіе неправильнаго діагноза, можетъ быть принята такая система лѣченія, которая, вмѣсто искорененія болѣзни, еще болѣе усилитъ ея разрушительное свойство.

Тутъ и возникаетъ основной вопросъ о достоинствѣ взгляда прежнихъ корифеевъ юриспруденціи, совершенно противоположнаго господствующему нынѣ взгляду. Прежніе корифеи доказывали, что все зло неправды въ судахъ заключается въ широкомъ судейскомъ усмотрѣніи и въ неограниченномъ правѣ толкованія законовъ, и потому предлагали ограничить судейское усмотрѣніе до возможныхъ предѣловъ и отнять у судовъ право толковать законы. Только этимъ путемъ предполагали водворить въ судахъ правду, изгнать произволъ судейскаго усмотрѣнія и прочно оградить свободу гражданъ. Господствующій нынѣ взглядъ держитъ совершенно противоположнаго направленія, въ глубокомъ убѣжденіи достигъ тѣхъ же результатовъ путемъ возможно большаго расширенія судейскаго усмотрѣнія и предоставленія судьямъ неограниченнаго простора въ дѣлѣ толкованія законовъ. При такой противоположности взглядовъ, на обязанности каждого изслѣдователя лежитъ отыскать и твердо установить тотъ незыблемый критерій, который можетъ послужить точнымъ показателемъ истины или заблужденія приведенныхъ взглядовъ.

Но предельно, для наглядности, слѣдуетъ привести дословныя мнѣнія тѣхъ ученыхъ прошлаго времени, которые и по нынѣ пользуются всемирною извѣстностью и общепризнаннымъ авторитетомъ. Страна, однако, судьба этихъ авторитетовъ: ихъ мнѣнія приводятся съ глубокимъ уваженіемъ, но каждый считаетъ для себя дѣломъ чести не слѣдовать этимъ мнѣніямъ и дѣйствовать прямо вопреки имъ. Обыкновенно ссылка на старые авторитеты, если она дѣлается не въ громкихъ, многотомныхъ сочиненіяхъ, встрѣчается съ пренебрежительною улыбкою; но, къ счастью, подобная ссылка (на Бентама) была сдѣлана въ возраженіи почетнаго гостя юрид. общ. А. Ф. Кони **). Поэтому можно будетъ надѣяться, что и моя ссылка не будетъ принята безъ должнаго вниманія.

„Въ каждомъ уголовномъ дѣлѣ, — говоритъ Чезаре Беккариа, вдохновитель наказа Императрицы Екатерины II, — судья долженъ сдѣлать одно точное умозаключеніе изъ двухъ посылокъ. Большей посылкой служитъ общій законъ, меньшей посылкой — обстоятельство дѣла; выводъ изъ этихъ посылокъ будетъ или оправданіе или осужденіе подсудимаго. предоста-

*) На Всеподданнѣйшемъ докладѣ мнѣнствіа юстиціи о пересмотрѣ суд. уставовъ было начертано Высочайшею властью: „чтобы, наконецъ, дѣятельное правосудіе царило въ Россіи“.

**) Эта ссылка приведена въ отчетѣ газеты „Кавказъ“.

вить судья еще право толковать законъ — значитъ открыть дверь произволу.

Нѣтъ ничего опаснѣе общеприпятой аксіомы, что судья долженъ соображаться съ духомъ законовъ. Это — гнилой оплотъ противъ произвольныхъ мнѣній судьи.

... У каждого чловѣка есть своя точка зрѣнія, которая мѣняется съ теченіемъ времени. Значитъ, духъ законовъ у каждого судьи не что иное, какъ результатъ здоровой или превратной его логики, послѣдствіе легкаго или дурного пищеваренія; онъ зависитъ отъ страстей, слабостей, личныхъ отношеній судьи къ обвиняемому и отъ тысячи почти неуловимыхъ обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ одинъ и тотъ же предметъ въ разные моменты представляется непостоянному уму чловѣка въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Вотъ почему въ разныхъ судебныхъ инстанціяхъ судьба подсудимыхъ рѣшается различно, и весьма часто жизнь людей зависитъ отъ ошибочныхъ умозаключеній или минутнаго настроенія судьи, который толкуетъ законъ какъ вѣсь, по смутнымъ соображеніямъ, попадавшимъ ему въ голову. Вотъ почему одинъ и тотъ же судъ за одинъ и тѣ же преступленія назначаетъ въ разное время различныя наказанія: ибо судьи примѣняютъ не неизмѣнное и точное слово закона, а свои произвольныя и неустойчивыя толкованія.

„Невыгоды отъ буквальнаго примѣненія уголовныхъ законовъ слишкомъ незначительны, въ сравненіи съ вредными послѣдствіями, которыя происходятъ отъ свободнаго толкованія. Неточныя слова въ законѣ или неопредѣленныя выраженія, коль скоро они замѣнены, легко исправить, а слишкомъ широкая свобода толкованія неизбежно ведетъ къ произволу и продажности въ судахъ.“

„Когда законы изложены въ уложеніи точно и подлежатъ буквальному исполненію, когда судья обязанъ только рассмотреть — согласно ли данное дѣйствіе гражданина съ закономъ или несогласно, — когда правила, которыми должны руководствоваться всѣ граждане, какова бы ни была степень ихъ развитія и образованія, выражены ясно и не допускаютъ сомнѣній, тогда граждане избавлены отъ множества мелкихъ тирановъ, а каждый тиранъ тѣмъ невозможнѣе, чѣмъ ближе стоитъ къ подвластнымъ ему, и гнетъ многихъ мелкихъ тирановъ несравненно тяжелѣе, чѣмъ деспотизмъ одного“.

„Точные законы ограждаютъ личную безопасность, на которую каждый имѣетъ неотъемлемое право по самой дѣлѣ соединенія людей въ общество. Они предупреждаютъ преступленія, такъ какъ каждый лучше понимаетъ невыгоды послѣдствій отъ своихъ противозаконныхъ дѣйствій. Они развиваютъ въ народѣ не тотъ буйный духъ, который колеблетъ въ государствѣ порядокъ и неперевариваетъ власть, а тотъ духъ законности, который ставитъ преграду для своекорыстія и произвольныхъ распоряженій, прикрываемыхъ священнымъ именемъ закона.“

Эти соображенія не понравятся тѣмъ, которые, съ покорностью получая толчки отъ вѣщихъ, считаютъ себя въ правѣ передавать ихъ своимъ подчиненнымъ...

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Толкованіе законовъ зло“ *).

Еще болѣею категоричностью отличается мнѣніе Бентама.

„Когда законъ, — говоритъ онъ, — труденъ, теменъ, несообразенъ, гражданинъ все-таки имѣетъ болѣе или меньшій шансъ его знать и онъ служитъ для него предостереженіемъ, хотя неяснымъ, хотя менѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ слѣдовало, но все-таки полезнымъ, и зло отъ этого недостатка имѣетъ видимые предѣлы. Но когда судья присваиваетъ себѣ право объяснять законы, т. е. подставлять свою волю на мѣсто воли законодателя, тогда все становится произвольнымъ и никто не можетъ предвидѣть, какое направленіе приметъ произволъ судьи.“

„Судья, то соображаясь съ прямымъ смысломъ закона, то объясняя законъ, всегда можетъ произнести рѣшеніе въ пользу того или другаго, какъ ему забла гораздеется: онъ всегда увѣренъ, что можетъ прикрыть свое лицепріятіе или буквальнымъ или истолковательнымъ смысломъ закона. Такимъ образомъ, судья превращается въ шарлатана, который, къ великому удивленію зрителей, угощаетъ изъ одной и той же бутылки то сладкимъ, то горькимъ напиткомъ...“

„При такомъ способѣ дѣйствія не можетъ быть безопасности“... (Избран. соч.).

Я могъ бы увеличить списокъ ученыхъ, высказывавшихся въ томъ же духѣ относительно угрожающей обществу опасности отъ права судьи толковать законы и имѣть собственное усмотрѣніе въ дѣлѣ примѣненія наказанія. Но я ограничиваюсь авто-

ритетомъ названныхъ ученыхъ, которыми внимали съ великимъ уваженіемъ дари и народы.

Приведенное мнѣніе Беккариа и Бентама заключаетъ въ себѣ разборъ и опроверженіе того, господствовавшаго въ эпоху процвѣтанія судейскаго произвола, взгляда, который нынѣ вновь сдѣлался господствующимъ и подъ вліяніемъ котораго созданы были судейные уставы и составленъ проектъ уложенія.

Этотъ взглядъ, какъ во времена Беккариа и Бентама, такъ и нынѣ, неизмѣнно остался при одной и той же аргументаціи и снова возобладалъ, хотя въ числѣ своихъ защитниковъ и представителей не можетъ указать столь же славныхъ именъ, какъ Беккариа и Бентама.

Мнѣніе это, вліяющее на направленіе законодательной дѣятельности, утверждаетъ, что законодателю присуща слишкомъ большая медлительность, что онъ слишкомъ остороженъ, идетъ медленною поступью, не поспѣваетъ за слишкомъ быстро несущуюся жизнью, особенно теперь, въ вѣкъ пара, электричества, телеграфа и телефона, и что потому лишать судью права удовлетворять живымъ, внезапно народившимся потребностямъ текущей жизни, въ ожиданіи, пока подоспѣтъ далеко отставшій законодатель, — значило бы ставить опаснаго препятствія прогрессу общезитія и оставлять безъ своевременнаго удовлетворенія тѣ наивнѣйшія нужды, которыя могутъ имѣть свойство стихійной неодолимости.

Естественная послѣдовательность обязанности въ представителяхъ этого мнѣнія, при дѣйствительности ихъ опасеній, прямо и открыто поставить вопросъ объ упраздненіи законодателя, осторожности и медлительности котораго, быть можетъ, и весьма почтенныя и добродѣтельныя качества, но качества такого рода, изъ которыхъ на крыльяхъ улетающая жизнь никакой пользы для себя извлечь не можетъ въ обширномъ разстояніи, образующагося между быстро развивающеюся жизнью и медленно шествующимъ законодателемъ. Логической и неизбежной выводъ отсюда былъ бы тотъ, что законодательная дѣятельность — безцѣльная трата времени, что законами нельзя удовлетворять потребностямъ жизни и этой цѣли — можетъ отвѣчать исключительно усмотрѣніе судьи, который, стоя у самыхъ источниковъ живой дѣйствительности, одинъ лишь способенъ поспѣвать за жизнью, тутъ же, на мѣстѣ, удовлетворяя потребностямъ минуты, совершенно мельчайшимъ индивидуальнымъ особенностямъ каждого представляющагося случая.

И такъ, долой законодателя съ его непригодною для жизни медлительностью, съ его слишкомъ отвѣченными, несопособными предупредить возможности конкретныя случаи жизни, взглядами, и да воцарится судейское усмотрѣніе съ его легкостью, съ его умѣньемъ все быстро соображать, сразу улавливать неподдающуюся никакому предвидѣнію и регламентаціи природу каждого даннаго случая, съ его могуществомъ тутъ же откликаться на любой призывъ жизни!...

Такой выводъ показался бы приверженцамъ разбираемаго мнѣнія ересью, злымъ парадоксомъ, и — на-прасно: ересь тутъ является логическимъ неотразимымъ результатомъ аргументовъ, на которыхъ покоится это мнѣніе, и никакими остроумными соображеніями нельзя прійти къ иному заключенію.

Но, какъ бы ни былъ великъ авторитетъ, какъ бы ни было велико число его приверженцевъ, какимъ бы ореоломъ славы ни была окружена личность ученаго, мнѣніе всегда останется мнѣніемъ, продуктомъ личныхъ умозрѣній и субъективныхъ соображеній, и никто не обязанъ подчиняться ничьему мнѣнію, если въ немъ замѣчается отсутствіе реальной, объективной правды.

На этомъ основаніи, заявленіе одного изъ оппонентовъ, непонашее въ отчетъ, что такъ какъ всѣ современные судейскія законодательства построены на принципѣ довѣрія къ судьямъ, то нельзя же допустить, чтобы всѣ эти законодатели думали вздоръ, — нужно отвергнуть какъ схоластическую аргументъ.

Когда въ мрачные вѣка суевѣрія даровитые писатели изощрили свой

*) Беккариа. О преступленіяхъ и наказаніяхъ, изд. Я. Б. Бѣдкова, стр. 20—23.

талантъ, излагающа въ трактатахъ доказательствъ существованія вѣдѣмъ и необходимости ихъ истребленія кострами и пытками, то они приобѣтали къ тому же схоластическому приему, ссылаясь на повсемѣстно распространенное въ Европѣ вѣрованіе въ дьявола. Опираясь на авторитетъ Лютера, Бодена, Шпренгера, Оомы Аквината и другихъ знаменитостей, писатели того времени не допускали и мысли, чтобы столько почтенныхъ и высокопоставленныхъ особъ изъ міра духовнаго и свѣтскаго могли заблуждаться относительно дѣйствительнаго существованія нечистой силы и необходимости борьбы съ ней.

Поэтому единственнымъ критеріемъ для разрѣшенія спора между разнообразными мнѣніями является не ловкость, остроуміе или видимое глубокомыслие логическихъ соображеній, а исключительно реальная правда; достоинство и логическая правильность соображеній проверяется путемъ этой правды.

Что же намъ говорить эта правда жизни? Бывшій франц. министръ юстиціи Одильонъ Баро, въ сочиненіи своемъ „De l'organisation judiciaire en France“, указываетъ на послѣдствія судейскаго права толкованія законовъ; онъ удостоверяетъ, что касационный судъ, подъ видомъ толкованія утвержденныхъ по его проектамъ законовъ, изобрѣталъ такіе законы, проекты которыхъ онъ—министръ—никогда не рѣшился бы предложить. Слѣд., франц. кассационный судъ, учрежденный для наблюденія за единообразнымъ примѣненіемъ законовъ, не только упразднилъ работу законодательной власти, но самъ заступилъ мѣсто законодателя, вводя такіе законы, на установленіе которыхъ не рискнулъ бы законодатель. 29-лѣтняя практика нашихъ судовъ, многочисленные томы сенатскихъ рѣшеній, далеко превышающіе число томовъ св. законовъ, самымъ осязательнымъ образомъ показали, что усмотрѣніе судьи и право его толковать законы съ роковой неизбежностью и нынѣ, какъ и во времена Б.ккария и Бенгата, приводятъ къ тому же исчезновенію свободы и гарантіи общественной свободы.

Нѣтъ закона, на который гражданинъ могъ бы съ увѣренностью опереться въ своихъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ; нѣтъ устойчивости, нѣтъ никакой руководящей, всѣмъ понятной, всѣхъ ободряющей идеи единства въ примѣненіи законовъ.

Проф. Н. С. Таганцевъ, онъ же членъ верховнаго кассационнаго суда, самъ свидѣтельствуетъ въ своихъ лекціяхъ, на нѣдѣхъ удостоенныхъ Высочайшаго принятія, что практика сената отличается разнообразіемъ и нерѣдко противорѣчивостью рѣшеній, „притомъ не только разновременныхъ, но иногда и одновременныхъ“ *).

Я не говорю уже о многочисленныхъ журнальныхъ статьяхъ и монографіяхъ, свидѣтельствующихъ о томъ же фактѣ замѣны законовъ разнообразными толкованіями по личному усмотрѣнію судьи.

Если таково нелицеприятное и немолчаливое свидѣтельство дѣйствительной жизни, если неоднократный опытъ исторіи съ тѣми же данными даетъ одинъ и тотъ же роковой результатъ—разрушеніе гарантіи общественной свободы и торжество произвола, то какіе же причины питаютъ преобладающую силу этого враждебнаго гражданской жизни мнѣнія и ставятъ препоны возраженію благодѣтельнаго противоположнаго мнѣнія?

Почтенный А. Э. Кони въ рѣчи своей по дѣлу Протопопова весьма художественно обрисовалъ опьяняющую силу власти. Эта характеристика одурманивающего свойства власти вполне вѣрна дѣйствительности, и каждый наблюдатель жизни лично имѣетъ возможность убѣдиться, что замѣненное явленіе дѣйствія власти допускаетъ столь рѣдкое исключеніе, что его можно считать почти всеобщимъ правиломъ. Поэтому никогда не слѣдуетъ забывать, что „вино власти“ обладаетъ свойствомъ привести въ хмѣльное состояніе и помраченіе разсудка и не однихъ земскихъ начальниковъ, въ родѣ Протопопова.

Исторія не представляетъ примѣра, чтобы люди добровольно и охот-

но разставались съ своей властью или стремились къ ея ограниченію и уменьшенію. Замѣчается, напротивъ, всегда обратное явленіе. Тутъ и кроется главная причина преобладанія мнѣнія въ пользу расширенія сферы судейскаго усмотрѣнія.

Судебное законодательство обыкновенно создается и реформируется самими же судебнымъ вѣдомствомъ; поэтому, всегда будутъ тщетны всякія ожиданія увидѣть на алтарѣ общественной свободы частицу судейской власти, составляющую вычетъ изъ объема судейскихъ полномочій; наоборотъ, всегда будутъ замѣчаться явленія похищенія изъ святилища общественной свободы въ пользу увеличенія силы этихъ полномочій.

Другая причина, поддерживающая это направленіе въ сторону усиленія судейскаго усмотрѣнія, заключается въ томъ, что усмотрѣніе судьи представляетъ самую удобную почву, чтобы, во имя закона, служить могущественнымъ орудіемъ чьимъ угодно дѣлать.

А такимъ драгоценнымъ орудіемъ нерѣдко пользуются въ известные моменты, почему оно и поддерживается.

Подойдемъ къ разрѣшенію того же вопроса, исходя изъ анализа дѣйствительности и предоставляя другимъ восхищаться изобрѣтеніями эффектныхъ фразъ, разлетающихся, какъ дымъ, при малѣйшей логической проверкѣ по фактамъ жизни.

Въ самомъ ли дѣлѣ законодатель такъ немощенъ, такъ слабъ ногами, настолько дряхлъ, что никакъ не въ состояніи справиться съ быстрыми потоками теченія жизни, что голосъ его мудрости и осторожности такъ далеко раздается, что не можетъ быть услышанъ въ отдаленномъ шумѣ сталкивающихся и внезапно другъ на друга набѣгающихъ волнъ житейскаго моря, что только непосредственное усмотрѣніе судейской власти обладаетъ свойствомъ поддерживать порядокъ подобающими каждому данному случаю средствами, предупреждая и ослабляя катастрофы общенія? Правда ли, что для общественной свободы и безопасности и для осуществленія идеи справедливости необходимо учредить культъ чудовища, въ видѣ судейскаго усмотрѣнія, который, пользуясь правомъ оцѣнки индивидуальных особенностей данного случая, сталъ бы за дѣяніе, влекущее за собою простой кратковременный арестъ, ввергать въ адъ каторги, только благодаря тому, что усмотрѣнію даннаго судьи показались какія-то „особенности“, отсутствія которыхъ призналъ бы всякій не даннаго судьи?

Для разрѣшенія этихъ вопросовъ нужно опредѣлить существо закона и прослѣдить процессъ его возникновенія. Законъ—это норма дѣятельности гражданъ; эта норма заключается въ себѣ указаніе на средства къ удаленію изъ общественной жизни всего того, что мѣшаетъ правильному ея теченію, и—къ поддержанію и поощренію всего того, что содѣйствуетъ ея преуспеванію. Присматриваясь къ явленіямъ общенія, законодатель замѣчаетъ, что одни изъ нихъ служатъ ко благу общества, другія—производятъ колебанія и разрушенія въ общественной средѣ.

Послѣдняя категорія явленій составляетъ сферу уголовного права и предметъ уголовного законодательства. Но прежде, чѣмъ данное явленіе станетъ предметомъ законодательной регламентаціи, оно изучается законодателемъ со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія, и, по найденнымъ существеннымъ признакамъ, опредѣляется природа явленія.

По результатамъ изслѣдованія, законодатель устанавливаетъ тотъ способъ борьбы съ вредноснымъ явленіемъ, который онъ, съ своей точки зрѣнія, находитъ наиболее целесообразнымъ и отвѣчающимъ природѣ явленія, предварительно во всѣхъ деталяхъ изслѣдованной самимъ законодателемъ.

Таковъ дѣйствительный порядокъ происхожденія законовъ. Поэтому, мнѣніе А. Э. Кони, что законодатель опредѣляетъ лишь преступныя дѣянія и наказанія, а судья изслѣдуетъ всю совокупность обстоятельствъ даннаго дѣянія, внося въ это изслѣдованіе все свое разуміе, свой жизненный опытъ и какъ бы прибавляя къ уму законодателя сердце судьи, основано на полномъ смѣшеніи законодательной и судебной дѣятельности. Уже было объяснено,

что установленію каждого закона должно предшествовать изслѣдованіе всей совокупности обстоятельствъ, сопровождающихъ въ дѣйствительности всякое данное дѣяніе. Сказать, что судья, соприкасаясь съ конкретными явленіями, можетъ открыть въ природѣ даннаго явленія такую сторону, которая не была предусмотрена, упущена законодателемъ и, сообразно съ сдѣланнымъ открытіемъ, назначать по личному своему усмотрѣнію родъ и мѣру наказанія, значитъ утверждать, что законодатель устанавливаетъ нормы общенія на-обумъ, гдѣ-то, въ условій мѣста и времени, совершенно чуждый дѣйствительности, не справляясь съ жизнью, не изучая ея съ подобающею всесторонностью.

Но этого, конечно, не рѣшится утверждать сторонникъ свободы судейскаго усмотрѣнія. Это—во-первыхъ.

Во-вторыхъ, допустимъ недопустимое, и признаемъ, что отдѣльный судья, превосходя законодателя обширностью ума, опыта, проникаемостью, глубиной и добротой сердца, откроетъ въ данномъ явленіи такую особенность, которую законодатель вовсе упуститъ, не замѣтитъ или не могъ предусмотрѣть. Можетъ ли такое открытіе дать судѣ право расправить крылья своего усмотрѣнія въ оцѣнкѣ своего открытія и сегодня назначать каторгу за то, за что завтра покараетъ простымъ лишеніемъ свободы? Мало того, при такой свободѣ судейскаго усмотрѣнія, мы сдѣлаемся очевидцами невыносимыхъ, вопіющихъ явленій. Изъ двухъ, рядомъ дѣйствующихъ, судей, сдѣлавшихъ открытіе обстоятельства, непоказаннаго въ законѣ, одинъ съ совершенною добросовѣстностью сочтетъ это обстоятельство основаніемъ къ назначенію каторжной работы, тогда какъ другой, тутъ же дѣйствующій, судья съ тою же добросовѣстностью то же обстоятельство приметъ за основаніе къ назначенію кратковременнаго лишенія свободы.

И вотъ, изъ двухъ совершившихъ при тождественныхъ условіяхъ въ данной мѣстности запрещенное дѣяніе лицъ—одно, быстро отбывъ срокъ своего наказанія, будетъ уже разгуливать, какъ полноправный гражданинъ, среди полноправныхъ гражданъ, въ то время, какъ его собратъ по равномъ дѣянію, на его глазахъ, въ позорныхъ цѣпяхъ и кандалахъ, со слезами отчаянія будетъ препровождаться на вѣчныя муки каторги и поселенія, оторванный отъ семьи, друзей, родной стороны...

„Сердце“ каждого изъ судей, постановившихъ столь различныя приговоры, будетъ совершенно спокойно: каждый изъ нихъ будетъ предъ своею „совѣстью“ и въ глубинѣ души увѣренъ, что поступилъ, какъ слѣдовало, „во имя высшихъ интересовъ справедливости и правосудія“.

Но обществу рѣшительно нѣтъ никакого дѣла до подобныхъ субъективныхъ состояній судейскаго „сознанія исполненнаго долга“; оно будетъ въ концѣ деморализовано или возмущено зрѣлищемъ такихъ проявленій судейскаго усмотрѣнія; такое положеніе вещей сопряжено съ чрезвычайно опасными искушеніями для судейской „совѣсти“ и способно породить нѣчто такое, предъ чѣмъ придется содрогнуться.

Ясно, слѣд., что судейское усмотрѣніе, гарантируемое судейскою „совѣстью“, не можетъ служить регуляторомъ общественной жизни; оно, наоборотъ, способно исковеркать и извратить какъ эту жизнь, такъ и самого судью.

Съ этой точки зрѣнія вполне правъ докладчикъ, утверждавшій, что только законодатель долженъ принадлежать право нормировать жизнь, и если законодатель надлежащимъ образомъ пользуется своимъ правомъ, то не можетъ быть мѣста ни упущенію, ни непредусмотрѣнію какого-либо обстоятельства. Когда же, вслѣдствіе слабости человѣческой природы, присущей и законодателю, или по инымъ причинамъ, въ данномъ явленіи обнаружится новое обстоятельство, упущенное или непредусмотрѣнное, вновь народившееся, то опредѣленіе значенія этого обстоятельства и вліяніе его на родъ, мѣру или степень наказанія можетъ принадлежать только законодателю.

Предоставить же судѣ право опре-

дѣлять значеніе обстоятельствъ, не указанныхъ въ законѣ, значитъ дать усмотрѣнію судьи возможность парализовать и упразднить дѣятельность законодателя, такъ какъ то, что судѣ показалось важнѣйшими открытіями его глубокомыслия, опыта, проникаемости и наблюдательности, законодатель, по тщательномъ и всестороннемъ разсмотрѣніи, можетъ признать вздорнымъ и ничтожнымъ. А пока произойдетъ такое внимательство законодателя, судья успѣетъ искалчить массу человѣческихъ существованій.

Тутъ и возникаетъ вопросъ: кому подобаешь регулированіе жизни—законодателю или судѣ? Каждый образованный юристъ, безъ сомнѣнія, знакомъ съ сущностью соображеній и идей Руссо и Монтескье, признававшихъ смѣшеніе этихъ двухъ властей—судебной и законодательной—великимъ зломъ и опаснымъ заблужденіемъ. Но знакомство съ идеями этихъ титановъ человѣческой мысли, до сихъ поръ непровергнутыми опытомъ жизни, ни мало не препятствуетъ составителямъ законовъ снова и снова впадать въ то же заблужденіе.

Такъ случилось при составленіи судебныхъ уставовъ, то же повторилось при составленіи проекта новаго уложенія.

Причины этого явленія—двѣ, и онѣ уже указаны раньше.

Законодатель, изслѣдовавъ извѣстное явленіе прежде, чѣмъ опредѣлить, по какому руслу оно должно быть направлено, приводитъ предполагаемое направленіе замѣченнаго явленія въ связь и гармонію съ общимъ направленіемъ государственной жизни и основною идею правового строя. Сообразно съ этимъ, законодатель и долженъ установить норму—регуляторъ—даннаго явленія; такимъ образомъ составленная норма публикуется во всеобщее свѣдѣніе и съ этою только нормою и точно указанными въ ней послѣдствіями всѣ граждане одинаково должны согласовать свои дѣйствія. Предоставить же судѣ возможность толковать норму вкривъ и вкосъ, сегодня такъ, завтра иначе, значитъ подвергать общественную жизнь состоянію вѣчной неустойчивости, вѣчныхъ колебаній, катастрофъ; это значитъ дать каждому судѣ право заступать законодателя и направлять данное явленіе по своему усмотрѣнію, невпадая или въ смыслъ, противоположномъ прямо выраженному намѣренію законодателя, какъ общаго и высшаго руководителя общественной жизни.

Современный судья, по роду своихъ обязанностей, изо дня въ день, непрестанно занятъ разсматриваніемъ, изученіемъ и сортировкой мельчайшихъ подробностей даннаго явленія; онъ долженъ напрягать свои силы и работать, несмотря на усталость, истощеніе или нерасположеніе духа; у него нѣтъ времени не только для поддержанія, освѣженія или пополненія своихъ познаній, но и для своевременнаго сна, ѣды или продолжительнаго отдыха. Послѣдствіемъ такого рода дѣятельности бываетъ то, что вначалѣ нервная система судьи находится въ состояніи почти непрерывнаго возбужденія: судья дѣлается нетерпеливъ, страстенъ, придирчивъ, раздражителенъ; затѣмъ, наступаетъ періодъ ослабленія, истощенія и апатіи, нервная система перестаетъ реагировать, судья утрачиваетъ восприимчивость, острота ума и сообразительности притупляется, чувствуется мертвѣть, еще вчера явственно различаемые признаки явленія сегодня теряютъ свои очертанія, сливаясь предъ ослабленнымъ умственнымъ взоромъ судьи въ какой-то хаосъ, вслѣдствіе чего то, что вчера казалось ему бѣлымъ, сегодня уже представляется чернымъ или наоборотъ; судья постепенно такимъ образомъ превращается въ безжизненную машину, въ сухого рутинера, которому или все уже будетъ казаться чернымъ, или все бѣлымъ. Въ такомъ положеніи у судьи остается одно сознаніе ужасной, всеограшающей силы своей власти, которую онъ можетъ стереть и уничтожить пераго, подвернувшись ея подъ руку, безразлично—праваго или виноватаго. Но если и обставить дѣятельность нынѣшняго судьи лучшими, болѣе человѣчными условіями, которыя могли бы предупредить возможность столь прискорбнаго и нежелательнаго вырожденія при-

роды человѣка въ роли судьи, то и тогда узкая рамка дѣятельности, специализированной лишь явленіями извѣстнаго рода, не дала бы ему возможности обнять общую картину теченія общественной жизни и съ собственной своей точки зрѣнія, независимой отъ точки зрѣнія законодателя, оцѣнивать и опредѣлять значеніе явленій, составляющихъ спеціальныя предметъ его служебныхъ занятій.

Совершенно въ иныхъ условіяхъ находится законодатель. Онъ не только изучаетъ явленія вблизи, всѣ мельчайшія подробности порознь и въ совокупности, не торопясь, спокойно соображая и не подъ гнетомъ обязательной срочности занятій, какъ судья, а изслѣдуетъ ихъ со всѣхъ возможныхъ сторонъ, съ разныхъ разстояній, опредѣляя не только природу явленія, но и всевозможныя соотношенія даннаго явленія съ различнаго рода явленіями общественной жизни. И въ то время, когда судья, въ силу специализированной своей дѣятельности, не замѣчаетъ никакихъ видоизмѣненій въ природѣ даннаго явленія, законодатель, наблюдающій за общимъ направленіемъ жизни, сразу открываетъ малѣйшее нарушеніе гармоніи ея и, путемъ немедленнаго изслѣдованія, добирается до новаго элемента, нарушившаго гармонію, и своевременно производитъ ту поправку, которую онъ признаетъ целесообразною для восстановленія пошатнувшагося равновѣсія. Съ этой точки зрѣнія, мнѣніе, что законодатель тяжелъ, идетъ медленно и далеко отстаетъ отъ жизни и что судья является на вырочку законодателя, быстро удовлетворяя нарождающимся потребностямъ текущей жизни, несостоятельно, ибо это мнѣніе паритъ въ опытѣ и наблюденіи и не отвѣчаетъ положенію вещей въ дѣйствительной жизни. Справедливо обратное мнѣніе, какъ подтверждаемое дѣйствительностью: законодатель—живой, всеобъемлющій руководитель жизни, судья, въ силу своей односторонней спеціальности,—узкій рутинеръ, неспособный возвыситься до пониманія общихъ задачъ и единства направленія общественной жизни; поэтому, судья—тормозъ, помѣха прогресса человѣческой свободы и, въ силу этого, долженъ быть всецѣло подчиненъ законодателю и безпрекословно исполнять его велѣнія, не бѣжать впереди законодателя, а послушно и безъ разсужденій слѣдовать за законодателемъ.

Это собственно и желалъ сказать докладчикъ въ одномъ изъ своихъ положеній, но одинъ изъ оппонентовъ, придравшись къ недостаточной аргументаціи и не понявъ сущности этого положенія, подвергъ докладчика сатирическому замѣчанію. Остроумный оппонентъ замѣтилъ докладчику, что только судья, изучающій вблизи явленіе, способенъ понять природу явленія, а не законодатель, обзрѣвающий съ высоты общее теченіе жизни, что судья, поставленный въ положеніе законодателя, былъ бы похожъ на врача, который вмѣсто того, чтобы изучить вблизи симптомы болѣзни пациента, сталъ бы наблюдать больного съ возвышенной горы, откуда видна была бы вся картина у подошвы горы расположеннаго города, гдѣ изнываетъ больной.

Это остроумное замѣчаніе, видимо, очень понравилось автору его и доставило немало удовольствія публикѣ. Но софизмъ этой острооты тотчасъ обнаруживается въ виду приведенныхъ соображеній.

Въ связи съ только-что разобранымъ положеніемъ докладчика находится и слѣдующее возраженіе А. Э. Кони.

„Съ современной точки зрѣнія, говорилъ почтенный ораторъ, прочно установившейся въ наукѣ уголовного права, нѣтъ преступленія, какъ цѣльной, недѣлимой величины, а существующее собою результатъ социальныхъ, этнографическихъ, расовыхъ, экономическихъ и психо-патологическихъ условій. Преступленіе не есть строго опредѣленное, заставшее въ своихъ вѣднѣхъ формахъ, явленіе, всегда одинаковое и неизмѣнное; напротивъ, оно измѣнчиво, индивидуально, и потому нельзя примѣнять одну и ту же общую мѣрку ко всѣмъ отдѣльнымъ преступленіямъ. Законодатель даетъ тишиескій снимокъ преступленія, судья же долженъ дать фото-

*) Н. С. Таганцевъ. Лекціи по русск. г. праву. Вып. I, 1887 г., стр. 371.